

«ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ» А.С. ПУШКИНА КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ Б. ОКУДЖАВЫ В РОМАНЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ ДИЛЕТАНТОВ»

Статья представляет собой попытку обозначить некоторые уровни рецепции пушкинских принципов прозы в романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» через акцентирование взаимоотношения поэзии и прозы в творческих системах двух писателей.

Ключевые слова: пушкинская традиция; травелог.

Русскую поэзию и прозу XX в. невозможно представить вне самоопределения относительно Пушкина, который представлялся ей воплощением духа творчества. Творчество поэтов и прозаиков XX в. раскрывается через Пушкина в той же мере, в какой Пушкин раскрывается через неё. Любая традиция жива только тогда, когда становится «орудием совершенно иной культуры». Новый этап в осмыслении Пушкина и его творчества – литература второй половины XX в.

Исследование влияния А.С. Пушкина на творчество Б.Ш. Окуджавы даёт возможность полнее осмыслить художественный мир писателя. Сам он признавался: «Творчество Пушкина не просто оказало на меня влияние – оно меня создало» [1. С. 28]. Думается, изучение пушкинской традиции в прозе поэта XX в. приобретает не только историко-литературный смысл, но и методологический: за переключкой тем, мотивов, образов, нарративных стратегий открывается особая природа взаимоотношения поэзии и прозы как особых сфер бытия и как единства противоположности стиливых тенденций.

Цель данной статьи – попытка обозначить некоторые уровни рецепции пушкинских принципов прозы в итоговом романе Окуджавы «Путешествие дилетантов» (1976, 1978) через акцентирование взаимоотношения поэзии и прозы в творческих системах двух писателей. Этот роман для анализа выбран неслучайно: именно в нём автор XX в. попытался ретроспективно посмотреть на историю и судьбу русской интеллигенции эпохи 1830-х гг. [2, 3].

Самые очевидные пушкинские ассоциации, возникающие при прочтении исторического романа Окуджавы, – отсылки к «Путешествию в Арзрум» (1835). Герои «Путешествия дилетантов» передвигаются по Кавказу, наблюдают за жизнью горцев, размышляют о смерти, как и герой Пушкина. Наследуя в литературе именно пушкинскую традицию, Окуджава избирает тот же литературный жанр – жанр травелога, который позволяет воплотить духовный путь героев. В историческом романе XX в. представлены не бегство влюбленных, не путешествие Мятлева и Лавинии по Кавказу как таковые, а путешествие как акт возвышения души, бегство как обретение внутренней свободы. При этом основанием для отнесения «Путешествия» к жанру травелога Андреас Шёнле предлагает считать критерий, «основанный не столько на доле прагматической информации в тексте или на его предполагаемой “реалистичности”, сколько на связи с литературной традицией» [4. С. 12].

Окуджава, как и Пушкин, в первую очередь – поэт. Отбор материала, производимый писателями, свидетельствует об особом взаимоотношении поэзии и про-

зы не только в стиле произведений, но и в приёмах воплощения действительности.

Что побудило героев отправиться в путешествие? На первый взгляд причины пушкинского путешествия довольно загадочны. В «Предисловии» приводится целый ряд отрицаний: он поехал на Кавказ не в поисках вдохновения и не для того, чтобы пустить сатирическую стрелу в графа Ивана Паскевича [5. С. 443]. Но Пушкин предпринял свой вояж для того, чтобы бежать от политического надзора в надежде, может быть, перейти через границу на чужую территорию: «Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда ещё не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное» [5. С. 463]. Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари мы узнаем, что причины, а точнее их отсутствие, побудившие отправиться героев Окуджавы на Кавказ, схожие. Сергей Мятлев с возлюбленной бежит не только от мужа Лавинии, но и от надзора Николая I, на свежий горный воздух от духоты Петербурга, духоты эпохи: «Почти никому не сладко в пределах видимости. Может быть, там, за гранью доступного глазу, за проклятым шлагбаумом, за Московской заставой, где нас нет, у черта на куличках, где-то в благословенном “там”, да, да, там, может быть, и сладко» [6. С. 242].

Герои Пушкина и Окуджавы близки также отношением к своему социальному положению. В «Путешествии в Арзрум» герой окружает себя неопределённостью: в путевом дневнике он пишет, что к нему обращались как к доктору, а «современники сообщают, будто его принимали даже за русского священника» [4. С. 181]. Слова князя Мятлева сходны с размышлениями автобиографического героя Пушкина о себе, о своем положении в обществе: «...мы не едем, мы живём вне времени и пространства, без имен и обязанностей, лишённые и друзей и врагов» [6. С. 242]. Для себя герои признают только одно звание – поэта. И поэтому из сотни разных событий, встреч с людьми, достопримечательностей они фиксируют наиболее значимые и наиболее необычные явления.

Оказаться за пределами империи путешественникам не удастся. Но они попадают на совершенно чуждую для них по ландшафтам и населению территорию – Кавказ. Одна из целей путешествия – Тифлис. Пушкин думает о благосостоянии народов, когда пишет о «самом бедном племени» Кавказа – осетинах. Драматична красота, оттенённая нищетой: «Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам. У ворот крепости встретил я жену и дочь заключённого осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойны и смелы» [5. С. 450].

Подобно этому описание бедности в романе «Путешествие дилетантов»: «И вот они въехали в грязные улочки, где глинобитные дома стояли в непривлекательном беспорядке <...> и женщины в несвежих шальварах <...> лениво предлагали им липкую черешню» [6. С. 374]. Окуджава скрупулезно фиксирует множество неприятных инцидентов. Но это свидетельство того, что всё в мире кавказских народов сосуществует: война, смерть и любовь, радушие, гостеприимство. Много внимания в травелогах уделено теме женской красоты и любви, которая звучит в произведениях как антитеза войне и песня миру.

Совпадают оба путешественника в их отношении к смерти. В пути герой Пушкина часто встречается со смертью: в первой главе он попал на похороны осетинцев, во второй встретил тело Грибоедова, в сражениях видел кучу мертвых тел. В пятой главе он гулял по кладбищу и попал в лагерь зачумленных. Всё это напоминает о конце пути – смерти, что свойственно почти всей русской путевой литературе. Но в развитии этой темы в произведении Пушкина, несомненно, большое значение придается посмертной памяти.

Во второй главе, насыщенной событиями и планами дальнейшего движения, автор случайно встречает арбу с телом Грибоедова. Воспоминание о его трагической судьбе переходит в обобщение о судьбе поэта, всегда страдающего от непонимания людей, что, естественно, касается и судьбы самого автора. Размышление о судьбе поэта разворачивается далее, но уже остро и иронично при встрече с дервишем в Арзруме: «Мне сказали, что это был брат мой, дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилию отогнали» [5. С. 476]. Получается, что дорога – это не только пространство для встречи с чужими, но и с самим собой, и пространство для размышления о пройденном и будущем своего пути, т.е. время самосознания.

Это размышление, вдохновленное случайной встречей с арбой Грибоедова, является одной из важных тем «Путешествия в Арзрум». Здесь следует сказать, что этот «грибоедовский эпизод» не был отмечен в путевых записках 1829 г., к тому же на самом деле встречи героя с телом убитого Грибоедова не было.

По словам автора в предисловии, он выдал в «Путешествии» «свои записки, как все, что мною было написано о походе 1829 года» [5. С. 444], а в действительности, помимо «всего», он позже добавил вымышленное событие. Придуманый автором эпизод приобретает большую смысловую нагрузку с помощью разнообразных намеков, параллелей во всех других главах. Впоследствии размышления на фоне кавказских впечатлений о своей судьбе как поэта и о жизни в целом становятся сквозной темой в «Путешествии». Так, в тексте произведения авторское воспоминание о встрече с телом Грибоедова, обладая не фактической, а художественной достоверностью, становится поэтическим способом познания жизни и самого себя. Реальное путешествие художественно обогащается воображением автора.

Если в «Путешествии в Арзрум» встреча с телом Грибоедова – факт вымышленный, вносящий «оживление» в автобиографический текст, то в «Путешествии дилетантов», наоборот, этот эпизод придает вы-

мышленному произведению характер достоверности происходящего. В романе Окуджавы о Грибоедове и Пушкине вспоминает Мятлев в разговоре с местным жителем:

«– Здесь Пушкин проезжал, – сказал Мятлев благоговейно, как чужеземец, истосковавшийся по родине.

– Здесь многие проезжали, – сказал Гоги, – там, например, – указал он на белый храм, повисший над городом, – похоронен Грибоедов...» [6. С. 378].

Размышления путника о судьбе поэта, о жизни и смерти становятся неизбежной и неотъемлемой темой его повествования. Поэтому неслучайно, что в романе появляется и образ убитого Лермонтова. Именно с его судьбой связаны мысли князя Мятлева об императоре, толпе, гении, о жизни и смерти: «Получалось так, что люди, охваченные ненавистью к поэту, погрязшие в мелких житейских страстях, жаждали гибели поэта как избавления от его укоряющего взора. Был ли виноват в том царь, как утверждали некоторые, или виновата была природа общества, воспитавшая и самого царя, или же поэт был столь исключительным явлением в нашей грубой и печальной жизни, что сам наткнулся на острые углы, об этом скажет время, но, видимо, кожа его была и в самом деле столь тонка и чувствительна, что даже ничтожные уколы вызывали ощущение катастрофы» [6. С. 228].

Таким образом, тема смерти, появившись в связи с картинами военных действий, становится узловым, соединяет многие мотивы и образы произведения. В развитии этой темы писатели придают особую важность моменту озарения, т.е. резкой перемены впечатлений и умонастроений, который случается в жизни именно в дороге. Неслучайно в «Путешествии в Арзрум» хорошее настроение автора во время путешествия постепенно переходит в грусть, и по мере этого его записки становятся короче. Характер дневника, сперва подробный и последовательный, далее отрывочный, видимо, аналогичен внутреннему состоянию автора. Усталость, печаль, грусть, тоска влияют и на его восприятие жизни, и на манеру дневниковых записей.

Мотив озарения, ибо герои обрели новое миропонимание благодаря новым впечатлениям, присутствует и в романе Окуджавы. Такие чувства, как печаль, грусть, тоска, являются неизбежными спутниками человечества. Поэтому Сергей Мятлев принимает их как должное: «И вновь я все вспомнил, но, представьте, ничто на сей раз не дрогнуло во мне. Было как-то легко, тихо и счастливо» [6. С. 475]. Итак, путешествие героя, начинавшееся с мысли о смерти, кончается мыслями о примирении, успокоении.

Таким образом, мотив дороги, образ пути служат метафорой для размышления о жизненной цели и судьбе, не столько путешествие героев Пушкина и Окуджавы по Кавказу, сколько духовный травелог – странствования души. Неслучайно в центре «Путешествия в Арзрум» оказывается грузинская песня – гимн душе, «рождённой в раю». Наследуя общелитературную традицию путевой литературы с её темой смерти, описанием достопримечательностей, встречей с новыми людьми, Б. Окуджава включает в своё творчество и чисто пушкинскую: мотив озарения, тему женской красоты как антитезу войне, образ путешественника-дилетанта.

Автобиографический герой Пушкина, как и Сергей Мятлев, дилетант. Вероятно, что даже при выборе фамилии для главного героя Окуджава руководствовался её звучанием, в котором словно бы ощущается натура героя – не столько мятежная, сколько мятущаяся, смятенная. Б. Хотимский пишет: «В романе не только показывается, но и впрямую отмечается “вечное и неисцелимое смятение Мятлева”». Откуда оно? Врождённая черта малодушного характера? Да нет же! Прежде, в сражениях на Кавказе, молодой Мятлев отнюдь не был ни малодушным, ни смятенным. Что-то надломило эту душу. Разгром декабристов? Может что-то другое? В романе есть обильная пища для предположений, но нет готового ответа» [7. С. 503]. Ясно одно: натура героя ещё не сломлена, но уже надломлена. В этом нельзя его винить, можно лишь сочувствовать.

Дилетантизм в условиях николаевской реакции обретает значение «поведенческого текста». Это форма противостояния официальной идеологии, попытка своеобразного самостояния и стоицизма, бегство из душевной атмосферы надзора в мир вольных людей. Для Пушкина «Путешествие в Арзрум» прежде всего протест против Третьего отделения полиции. Без спроса он уезжает под пули, чтобы только «никому отчёта не давать», «для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи», «по прихоти своей скитаться здесь и там» («Из Пиндемонти»). Пушкинские скитания – это путешествие души.

Герои «Путешествия дилетантов» из той же породы протестантов и неостойков. Их бегство – поведенческий текст, ибо за ним стоит самостоянье и самоутверждение. Князь Мятлев – это герой своего времени. В его облике, в его духовном странствовании автор XX в. попытался представить путь человека в современном мире. «Самостоянье человека – залог величия его» – эти пушкинские слова Б. Окуджава спроецирует на исторические реалии эпох застоя и реакции. Пушкинский текст для автора романа «Путешествия дилетантов» не просто традиция, но и экзистенциальная философия: «грядущее прошлое».

Автобиографический герой произведения XIX в. совершил путешествие, которое способствовало обретению характерного для Пушкина видения мира, открывавшего возможность беспредельно широкого охвата жизни. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. – это поэтическое путешествие, т.к. перед нами лирический дневник поэта. В нём присутствует поэтический текст: стихотворные цитаты из «Илиады», «Лаллы Рук», переработанная и написанная ритмизованной прозой «Весенняя песня». Это грузинское стихотворение из архива Пушкина принадлежит перу известного грузинского поэта Димитрия Туманишвили, который мог написать эту песню около 1821 г. (год смерти поэта). При сопоставлении записи перевода песни с песней, приведённой Пушкиным в «Путешествии», заметна творческая переработка поэта. Из расплывчатых, неоднократно повторяющихся в записи образов и сравнений Пушкин взял лишь наиболее характерные, цельные мотивы восточной поэзии и спаял их в единый, насыщенный содержанием восточный напев.

Необходимо отметить и то, что песня написана ритмизованной прозой. Это придаёт ей особую вырази-

тельность и эмоциональность. Частые повторы, обращения к природным стихиям передают поток льющих-ся мыслей частного человека, его индивидуальное восприятие, личное переживание. Так, в структуру прозаического произведения проникает поэтическое начало. «Путешествие в Арзрум» – это проза поэта. Отсюда и сопряжение прозы и стихов: «Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественников; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых

Гордо бродят табуны» [5. С. 446].

«Путешествие дилетантов» Б. Окуджавы – это тоже путешествие поэта. Князь Мятлев рифмует слова, его фамилия, вероятно, восходит к фамилии поэта XIX в. – Ивана Мятлева. Исторический роман тоже своеобразный синтез: синтез пушкинских тем и мотивов, поэзии и прозы, вымысла и реальности. Композиция «Путешествия дилетантов» двухчастна: состоит из двух книг, включающих по две вставные главы о жизни императора в каждой книге. Это свидетельство гармонизации произведения, прорастания поэзии в прозу и прозы в поэзию. Две книги как две грани творчества одного поэта.

Подобно тому, как Пушкин пишет грузинскую песню нерифмованным стихом, роман Окуджавы написан ритмизованной прозой. Автор «Путешествия дилетантов» подслушал у Некрасова захватившие героев и его самого две строки:

...Слышишь ли труб заунывные звуки,
брызги дождя, полусвет, полутьму?..

Это фрагмент из стихотворения Н.А. Некрасова – «Еду ли ночью по улице тёмной...» (1847). В нём Окуджава заметил ту черту, характерную для творчества Некрасова и Пушкина, которую называют «многоголосием», «полифонией»: рядом с образом автора появляются образы других людей, их голоса то сливаются, то как бы спорят с голосом поэта. Первая строфа этого стихотворения прямо перекликается с сюжетом «Путешествия дилетантов»: девушка сбегает от своего мужа. А две строки из второй строфы, так полюбоившиеся персонажам романа, словно способствуют этому: заставляют забыть и оставить в прошлом «заунывные звуки».

В пространстве пушкинского «Путешествия в Арзрум», в его нарративной структуре как бы предчувствие полифонии некрасовского текста. «Труб заунывные звуки» корреспондируют с описанием военных действий на Кавказе, в Арзруме. «Как сильно действие звуков!», «звуки музыки и песен грузинских», «песни грузинские приятны и по большей части заунывны», «звучали военные трубы» – этот акустический фон пушкинского текста, актуализирующий невзгоды военной жизни, органично включает «брызги дождя, полусвет, полутьму». Пушкин постоянно описывает дождь как отражение непогоды и одновременно символ очищения: «дождь стал капать и шёл всё крупнее и чаще», «дождь не переставал» – и как антитеза: игра света и тьмы: «озарённый лучами солнца, казалось [Казбек], плавал в воздухе, несомый облаками», «Велича-

вый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окружённый горами <...> и наконец исчез во мраке», «светлые долины <...> сменили мрачные ущелья». Игра света и тьмы – в этой пушкинской антитезе открывается онтологическая концепция войны – мира, насилия и естества.

Мирообраз романа Окуджавы в этом смысле устремлён к пушкинскому произведению «Путешествие в Арзрум» как символ путешествия души в пространстве духоты и насилия над личностью. Кажется, что в рифмующейся речи автор исторического романа XX в. перекатывает каждое слово в гортани, как глоток золотого вина воспоминаний: «Ортачала, цоцхали, сирцхвили <...> Это вы ли?..» Эта ритмизованная проза – свидетельство того, что Окуджава, как и Пушкин, в первую очередь, поэт. Смешение поэзии и прозы, своеобразная прозиметрия – характерная черта стиля «Путешествия в Арзрум» и «Путешествия дилетантов».

Не только в стиле, но и в антропологии героев, в жанре и материале, в воплощении действительности отражена взаимосвязь поэзии и прозы. При этом исто-

рия, несомненно, волнует двух писателей. Она мыслится не только в сфере социально-политической жизни, но и шире – как история духа. Художников интересуют моменты духовного пробуждения, равно значимые в судьбе отдельного человека и общества в целом. Философия самостоянья, тема «глотка свободы», вынесенная в заглавие одного из романов Окуджавы, объединяет на уровне лирического подтекста «Путешествие в Арзрум» и «Путешествие дилетантов».

Безусловно, пушкинская традиция в «Путешествии дилетантов» восходит не только к произведению «Путешествие в Арзрум». Не менее значимы для романа Б. Окуджавы «Отрывки из путешествия Онегина», в которых неразрывно сосуществуют миры автора и героев, столкновение стиха и прозы, вымысла и реальности, мотив путешествия дилетанта. Возможно привлечение и других текстов – «Дорожные жалобы», «Путешествие из Москвы в Петербург». При этом пушкинская традиция для творчества поэта XX в. – мирозидательная: она отражает общую концепцию проблемы «человек – век».

ЛИТЕРАТУРА

1. Окуджава Б. Анкета «Он вошёл в нашу жизнь» // Наука и жизнь. 1987. № 2.
2. Гордиш Я. От документа к образу (Некоторые черты текущей исторической прозы) // Вопросы литературы. 1981. № 3.
3. «Минувшее меня объёмлет живо...» (Ю. Давыдов, Я. Кросс, Б. Окуджава, О. Чиладзе об историческом романе) // Вопросы литературы. 1980. № 8.
4. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб., 2004.
5. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 19 т. М., 1999. Т. 8.
6. Окуджава Б. Путешествие дилетантов. М., 1986.
7. Хотимский Б. Послесловие // Окуджава Булат. Избранная проза. М., 1979.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 января 2009 г.